

[НОВАЯ ПОЭЗИЯ]

[Новая поэзия]

Анна Глазова

Для землеройки

Новое литературное обозрение
Москва
2013

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г ???

Анна Глазова

Г ??? Для землеройки. Послесловие Евгении Сусловой. — М.: Новое литературное обозрение, 2013 (Серия «Новая поэзия»)

Анна Глазова родилась в 1973 году в Дубне Московской области, изучала архитектуру в Москве и Берлине, защитила диссертацию об Осипе Мандельштаме и Пауле Целане в Северо-Западном университете (США). Публиковала стихи в журнале «Воздух», альманахах «Вавилон» и «Черновик», антологии «Девять измерений», изданы книги стихов «Пусть и вода» (2003) и «Петля. Невполовину» (2008) — обе входили в шорт-лист Премии Андрея Белого. Переводила с немецкого стихи Целана, Э. Яндля, Ф. Майрёкер, прозу Франца Кафки, Роберта Вальзера, Уники Цюрн.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

О границах разговора

Многое из того, что говорится между людьми, говорится только для людей. Сама мысль о том, что говорить можно не только с людьми, может на первый взгляд показаться дикой, как диким называется всё, не приведённое в порядок человеком. Но, тем не менее, люди могут обращаться к зверю, растению или даже неживым вещам не задумываясь, как если бы это было нечто само собой разумеющееся. Домашнего зверя могут называть человеческим именем и жаловаться ему на жизнь. О вещах часто говорят, что они рассказывают историю своего хозяина. Особенно дети восприимчивы к языку живой и неживой природы, и они способны вселяться душой хоть в игрушечных зверей, хоть в диванные подушки. Границы разговора между людьми не исчерпывают открытости к разговору, свойственной не столько языку людей, сколько языку как таковому. Привыкнув же говорить с людьми, легко в каждодневных разговорах забывать об этой открытости.

В стихах открытость даётся легче, хоть стихи и обдумываются труднее. У стихов нет прямой, практической цели, они служат не столько передаче информации, сколько — в самом широком смысле — передаче состояния. Возможно, что основное использование языка в жизни и есть коммуникация, т.е. обмен информацией, но дело в том, что возможности языка гораздо шире, и стихи существуют как раз в том языковом пространстве, в котором у коммуникативной функции нет неоспоримой верховной власти. В поэзии возможен некоммуникативный читатель. Обращаться к нему с поэтической речью проще, чем к знакомому человеку, по-

тому что воображаемый некомуникативный читатель более гибок и широк.

Те, к кому можно обратиться с речью, не рассчитывая на ответную реплику, но, тем не менее, рассчитывая на внимание — это, в самом простом варианте, животные. Они не говорят, когда к ним обращаются, но они отзываются: поднимают голову и смотрят в глаза. Собаке, кошке понятнее запахи, но они готовы поступиться лёгкостью понимания ради широты разговора с человеком, которому взгляд говорит больше, чем слова. Для чего им нужен такой разговор, не проще объяснить, чем то, что такое разговор вообще.

Но есть надежда, что связь между живущими (сейчас или раньше) позволяет — хотя бы гипотетически — говорить одному биологическому виду с другим, говорить с не меньшей интенсивностью, чем когда человек говорит с другим человеком. Может быть, когда-нибудь разовьётся невидимый пока вырост в темноте мозга, пока неслышимый орган чувств, при помощи которого всё живое сможет разговаривать со всем живым. Тогда и то, что было зафиксировано в письменной речи, станет доступным — так, как сейчас доступен зрительный контакт человека с животным, — для всех, кто обладает способностью говорить, вне зависимости от того, на каком языке.

Почти в обратную сторону

*

знал бы,
кого затянуло
в пустую точку на стекле без отблеска.

ветка бьёт в крышу где-то там сзади.
это он не смотрит а видит узость зрения.

и что теперь? вставай если можешь тебе всего хватает.
не вставай если не гложет. кого-то несёт, другой заработал
хромоту,
каждый трудом отражает память что всё стоит.

(видано и беглецов

худых на вечном подъёме.

не ждёт ни бутылка воды ни попутный поезд.)

верхом твоими же ногами на холме;
а другой и в грязных пелёнках
не выучил
о следствии ходьбы.

*

Полине Барсковой

в лакуне

из голодного теста
лежит,
втиснута,

красным домом
яичная скорлупа;

нам
дан этот день,

«Кто *мы?*,

Подошло! Подошло!»

*

тёмный и влажный оттиск
над дрожью над связью
рук у развилки.

тогдашние реки: здесь,
капля,
ты решилась
нырнуть на дно и там
высохнуть
с шелестом.

(нас-то и так не больше воды
несло
чем когда выдохнешь
и замёрзнет,
да, я в уме, что хочу из такой паутины
наплести и канат, и гамак,
и опустить, опуститься.)

тёмный
и влажный,
позади вас, развилкой ставшие
руки.

нас сюда вынесло русло,
вверх дном.

кто-то не видел
кто видел
кто слышал.

полной жизни

в жёлтых тенях стволы груш,
сухие розы и стойкий шиповник,
ими только и держится над ручьём
то что как будто бы твёрдым должно быть,
певчими, а не плавучими птицами,
и к их тонким клювам, блестящим глазам
вода тянется — вязкая, и не удержишь.

радость. не сомну в руке,
не загляну в завязь, когда из-под снега
цветы со мной станут делиться ухваченными лучами,
насмотрюсь лучше на солнце, чтобы всё стало тенью.
стоят чужие стены,
по ту сторону, может быть, идёт разговор, и на ветру
как часы у меня стучит сердце.

*

сплелось из остатков струн — что-то
негодное но целое. сырые
доски, тонкий лак, вообще мастерство
достались кому-то, но звук в снегу не для слуха.

вихрится увиденное,
тяготит грубый напев,
как из скважины брызжет глубокое,
но оно блестит.

— без права голоса, рот,
замкни, запечатай неясность
того, что точно случается неподалёку.

Законы

1.

украл вину у виновного, провинился,
чтобы на краденном месте вырос,
на пустом месте, вырос закон.

украл что-то,
бесхозное,
и назвал: «вина»
или соврал, что украл;
тем и виноват, что невинен.

сделал, чтобы зачлось его имя,
чтобы из имени выросло дерево и из дерева дом —
чтобы для кражи был дом.

2.

из звука извлечь
целый закон, ключ к каждому звуку.

в голосе будет медь или дерево,
если назвать имя краснея за голос,
будто о близком под присягой солгал,
променял на стыдное дело.

лучше бы выпустить из памяти имя.

3.

обручились смертной кожей,
со светом остынет взгляд.

как в лодке лежит в теле топливо,
неподвижно,
внутренний жар.

по природному закону сгорает почти всё.
когда испарится вся кожа плёнка за плёнкой,
мы вдохнём в одно лёгкое,
только это будет не воздух уже.

4.

если не взять законом —
бери измором, бери пример у болота,
только мёртвое может без ущерба вернуться.

но мы с лодкой ныряли уже и так и ныряем,
то два выдоха на поверхности, то в глубоком сне,

много раз вернулись без груза и смерти от морока.

5.

ручьи бы сами стекли на мель
а соль из глубоких слоёв растворилась
только зачем бы в воздухе камню гореть
с громом падая хоть и в пресную воду?

если закон что всё равно
всё со всем смешано
ты бы не мог — под собственным весом — в него
провалиться

6.

... уж лучше суди меня
по закону противоречия —

«что», говори, «ты сказал, было
не так сказано, а другому,
и это уже
само по себе
доказывает» —

тогда буду соглашаться на сговор
с маленькими движениями
рук и лица.

7.

когда под луной зацветает подлунок
и растёт,
яркие звёзды его морочат,
ему их мгновенный склад —
распорядок вещей.

а когда в поворот
подброшен как дитя камень,
это приبلудный сон,

первое правило: не запомни.

8.

МОЛИТВА

сделай так
чтобы был человеку волк — волк
чтобы под кожей над сердцем
шли от стыда красные пятна когда на тебя смотрят.

Мёртвые

*

всё всегда уже было.
и в тебе, и в земле размешана райская пыль.
ты бы чувствовал боль,
разрезая свой хлеб,
поглотив если бы плакала
свежая наша могила.

*

есть слишком глубокой лазурью залитые щели.
в мире ты лёгок как внутри хлеба испарина.

в листьях прожилки в человеке сосуды в сосуде то что
хранится.

в удушливой глубине живёт некто оставленный светом.
только из собственных глаз у него свет.
а кто-то и слеп.

у лежащих в земле земля не хлеб и вода.
иногда умолкает и тишина.
не тебя державшие руки в небе просвет.

*

уткнулась ветвь, жимолость:
тебя и моим зрением
может быть не обнесло
будто привился тебе дикий признак,

если ты чувствуешь мой взгляд на себе,
то, смотри, может быть и другие глаза
сквозь мой взгляд на тебе держат.

*

как тяжёлое пение из-под земли
запах лопатой разрубленной землеройки
букета и гниющих корней.

вхож ли мой ум скажи в сердце крота
во флакон под стекло
где разложение не истлевает
и как растворить голосом голос давно мёртвых
как из желёз выжимки
на коже той или тех, живущих и едва мне смотрящих
в глаза?

*

где была пустота после близкого
теперь пелена
как бы ты домотканный саван наплёл.
(а хоронили в готовом платье
но ты туда дотянулся)
как твоё тело и он был соткан из тела.
он давно умер а ты почему-то теперь вспомнил.

когда умер придуманный в книге
умер не живший
после него пустота навсегда гуще
и промочишь бумагу а не замажешь лица.

неизвестный давно мёртвый
убитый может быть
или горем убитый
ты и не знал а носишь на него похожее платье
к нему ты приткнёшься когда умрёшь.

*

над предустановленной чашей
клубится гнилой воздух,
глухое согласие
отправленного к отцам.

я могу и с
болотом
стыдливо соединиться,

был бы кто выпил до дна
осевшую муть.

*

смертельное исчезновение:
из отголоска возникает первое слово?

(это слух искушал чудо:
повернись ко мне тихою
незаметною
стороной, покажись.)

*

мыкайся горе в моей голове
за слепым пятном за спасением.

или за мутью распался дух
и зовёт: брось меня
если за пылью найдёшь, спрячь
огромное небо
если уж скорбный мимо ума меня туда проглядел.

*

отстрадал от души горечавку —
будто сам её видел:

лепестки свёрнуты,
стебли переплетены,
когда лопнут плоды — истекает и оседает на месте.

её, может, и нет, но она мне пишет:

свет бы вернула в глаза,
волну в волосы,

было бы, где разомкнуть, что сомкнулось.

*

кто бы не хотел склеиться
из кусочков земли
вывернутых червями
и растений из прошлого
и из сора?

кто бы не хотел сказать,
меня нет,
я ваш должник,
я часть,
мы даже и не мы, а целое?

ты протягиваешь руки,
смотришь,
сажаешь — копаешь,
растишь — строгаешь,

и только когда,
бывает,
задумаясь
до беспамятства,

слышишь вдруг музыку
из того что стало полезным и мёртвым.

*

когда между рёбер
откроются поры
будь уверен что дышишь
их кожей из-под кожи теплом.

а замкнутся, ты снова один,
но у тех теперь легче дыхание.

*

здесь по своим следам пройдёшь, там — чьим-то близким,

как не узнать

немногих

тех

кому бы и кровью из раны отмыть рот и ноги.

в нечистом истоке

живьём водится

будто будущее

по руслу и устью

оставленные следы,

имя,

и здесь пройдем,

мера по мере.

*

ты считаешь камни:

на кладбище; под ногами; на ней и на нём; под
земляникой.

или считаешь

на руке костяшки,

будто всегда выпадает верный месяц,

без перекоса.

милый с немилым играют в кто меньше опешит.

в кто полнее живёт,

плющ, трава или камень.

Для землеройки

*

в голове пчелы
одна
натянута цель —

и она из неё только и тянет мёд,
и медоносы не знают,
и никто,

только что пблосы
(так и звук штрихует пространство)
как метроном разделяют
в каждом мае почти каждый луг.

*

молния не уходит
когда уже раз побывала в дупле.
в нём осыпается полое место,
и лишайник растёт без воды уже,
насухо, странно, в чёрных стенах.

там поселяются те, кого точно не видно.

и совершаются тайны:
рождение света из ничего
и рождение из мороза.
смерть глубокого тела в котором лежит меховая луна.

*

зверю своя кожа не шкура на теле,
он себе заповедная дичь,
он и в шкуре раздет и невинен.

вот и ты не ешь себя самого,
ешь как будто собой кормишь зверя.

*

утверди руку.
буду сидеть над травой как рыбак перед прорубью
и ждать того дня
когда станет трава ископаемым
и тонкая ветка
отзовется измеренным шёпотом
самому измерению.

*

за три шага
превратись

из иного нетвёрдо глядящего
над земной кромкой —
в ровное как мех по всей рыси
простейшее
обычного роста.

*

из перегноя рождается кислый дыхательный воздух.

мы

этой тьмой дышим,
мерно вбирая в свою темноту

тихую смерть
семян и растений.

из всех жизней милее болотная.
быть полужабрами каждой трепетной жабы,
и водомерке на плечи

сложить
тяжёлую душу.

*

дым в облака — и облака в дым.
птицы ждали до сотворения неба

на ветряке или вышке.
сквозь туман и сквозь дым

и под дождём целиком
неточное место
и верха не видно — если ты птица — с земли.

*

всё что можно измерить шагами
можно представить себе что обнял.
всё к чему прикоснулся можно подумать что съел.

где-нибудь сядет летящий
и выйдет на землю в ней сущий.
ты им сразу же грубые лица в глазах не нарисуй,

потому что они тебя голосом ещё могут тронуть,
если нежно их кости к неживому и мёртвому —
приложи ухо: бревно поёт тихо заодно с короедом —
вслух запоют.

*

стол развёрнут и кистью выметен чисто
перед каждым прибором стоит роза и плод завёрнутый
во всё влажное

умирает вино, последний шип
и свет притупляется.

как фруктовые мушки зарождаются над открыто лежащим
огрызком

в этом доме скоро зашевелятся хозяева.

*

минута длится.
её хоронить
как косточки на будущий год.

над ней сеять сухую труху не жалея

тебя, дорогая пыльца
с прошлой вспышки,
когда тебя снова
спалило солнцем
перед холодом.

*

мучнистое зерно
всходит только под толстым слоем тумана
густые кусты
под листьями — сгущение человека.

сгустится — станет лицо
у растения
вряд ли получится разговориться.

*

сухим глазам да бездна глубже,
что ни ешь кем ни съеден.

и где только не прозрачен воздух пчеле!
ты как она крохобор но беден цветом.

ты лежишь у неё на слабом огне
и красный ей разгорается день.

*

высшее солнце не двинется никогда
к себе приковано идущей тяжестью.

нам солнце ходит и тянет
за собой тяжесть:

и дерево облети
и ручей уйди в землю
ещё кто под камень
и я в кожу и шерсть и волокна растений
на себя к зиме их тело взвалив.

*

сели мы с моими
и разбираем небом — кто сказал? но и не важно —
подаренные камни.

хотим сварить месиво: три голубых камня, два зелёных,
ещё из земли что-то.

подманили на свисток что набежало,
сели тоже, дуют и смотрят, в их глазах отсвет,
будто от земли поднялся.

слиплось ли — кого? — спрашивают,
спрашиваем.
можно ли по зверю увидеть когда он смеётся.

*

могильница и пустельга
ищут пустырь
друг с другом поделиться,
заговорить себе память в печёнках,

пролетай, голубушка, проходи, бессмертник.

*

лучше не жми руку потому что горсть
помнит вобранную чистоту
и невечерний час входит под кожу
из ладони дует как с юга сушит глаза.

лучше проще чем что-то забыть лизать чьи-то узкие зубы
в непривычно глубоком горячем рту
и глаза влажные
и на ладонях
голый — как человек не бывает — смешанный мех.

*

волк-колдун,
одиночка,
жил в пещере
на горе где мало еды.

иногда он спускался
в неродное племя,

и они менялись:

им — вой вместо песен,
ему — ожерелья
от
оборотней.

*

землеройка-стервятник
роится на тусклых обломках:
она ищет и ест культурный слой

и в её светлом панцире
скользят быстрые образы

и тот кто за ними следит
из наших лиц потом
сложит почерк

Север

*

раздвоено зрение
как у змеи нюх на стороны света.

в одном окне дрожь в другом метель на стёкла давит
пресный ветер
свернул в гнёзда ветки,
хвою внутрь,
за окно яблоки.

*

куда бы ты ни добрался
это ты вернулся
или уменьшился —

многое можно бы думать забыть вспомнить и упустить

— добрался а внезапно вернулся узнал
еловую ветку сам надломил, помню,
когда «до осины и обратно», где-то хрустнуло,
вот и лес вывел; опять пошатнулся
в еловые лапы.

*

известно, что путь откатывает.
у всего есть причина.

кто к кому подошёл и сказал, то и стало —
скажем, день;
или, смотри, сухостой, если кто любит;
на лице отпечаток руки
взявшей сморщенный плод и растёршей.

...и даже известно куда:
во сне ты не помнишь местных дорог но ты помнишь.
это всё объясняет.

*

в толокно просыпались птицы
до недельного дня
который весь тестом устелен
рогаликами, коврижками,

что сверху на подоконник
слетело остатков,

и столько же солнцем разломлены.

*

красили лён
всем что видели и могли дотянуться,
бутонами, целиком,
но не могли:

попадались в волокнах тёмные крапины
и не росла завязь.
без одежды и жили.

но бывали согреты на теле —
пока не размешаны — краски.

*

мимо услышанного понятный жест,
увиденного, как проснуться во сне —
ворохом отпечатки губ на руке на бумаге.

жестом трогают не воздух даже
против печали каждый день
делится множество,
когда не сказано.

*

когда всё наоборот —
день темнота,
ночь неровное пламя —
ты их видишь, гостей,
лучевых, просочившихся сквозь песок, камень и глину,

через солнечный фильтр.
ненадолго, займы,
распадаются сразу за сомкнувшейся тенью,

и за ними секунду пахнет йодом.

*

проснулся со сквозняком в комнате с привкусом гари
во рту.

продышал лицо через шапку,
хозяин он или гость,

беглый, собрать подношение из того что впрок засушили,
корень оно или мясо,
за чертой оседлости
между листьев, чем насыщен день.

*

морозка это подснежники летом когда зима.

в голове скопилось закрытое озеро и сходит ниже горячий
ключ

в тени неподъёмных век сдвинут к северу ближе
зарыт и закопан как в три шкуры
и вяз
в глубоких сугробах
стал почти уже

таёжная поросль.

*

ночная перегородка между тобой и тёмным умом
сломана запахом яблока или цветка
чтобы в твой слух вошла
частыми срезами лезвием
работа холода на окне —

медленный сон больное место;
решайся, между вязкостью и разрывом.

*

набрался мужества и уснул:
если мир не прервался — острым будет рассвет
как кусками поломанный лёд полоснуло по веку?
или: всё проспал до тумана над снегом скисшим.
и полдень.

в собственной коже оборвалось тёмное место, облачный
след,

разбудил зачем лысое дерево в птицах,
и когда в лёгких воздух если воздуха никогда не связать?

*

по реке полыньи, полыньи
так и сидишь почти без тела выбираешь
пару ног на сухое
как бы не провалиться
в решения хоть топор вешай, хоть ложкой гребь;

сухая полынь как будто бы пахнет,
но да? если тебя уже трухой тронула оттепель

*

в снегу вырыта целая палата
(не важно кто рыл)
забрался поудобнее изобретать огонь трением
руками конечно не обязательно о грудь

луна закатилась полностью за своё полнолуние
что-то не то с небом
никак не сомкнётся

добилось, ископаемый снег загорелся,
улыбка с небес,
отшатнулись сугробы.

*

выслано белым за глазом,
а за ним только перебирать:
сколько листьев высохнет и облетит?
птицы клевали зелень: рябины нет.
белым ложится,
помню, снег — потом, теперь — память.

*

не поздновато ли вам, красные листья на клёне.
или забыли, что не сердолики,
почти драгоценные на морозе,
и ни съесть, и ни выпить, краса голодальца,
если кому грызть зубы милее чем сладость яблока.

подержу пальцы в сугробе, и останутся дыры,
вам на память до оттепели,
а мне ненадолго красный оттиск на коже.

*

чудеса: горестное лыко
зацвело где-то,

наверное,

пока ты тут разоряешься,
за кустами куст,

голое дерево на главном месте,
покусанный белый хлеб.

в молчащее солнечное дно
катимся —
не укатимся.

*

листья как у взрослого руки
и после лета как тело тёмные
ты о них обопрись
когда они — с проступившими жилами
как рука вверх ладонью и пальцами вниз —
тебя просят.

*

в нашем доме свет далеко не ходит.

в три утра тебе ближе всего показали на север
а ты спишь и тень шире круга луны
из облаков и видна бы —

да с одеялом вы мученики одним миром стянуты;
столько льда на севере что не видишь и дня.

*

смотровой луны
хватает ровно на два оборота,
потом она вянет.

кто её видел,
у того кожа уже не темнеет на солнце.

их зовут обращенцами
те кто видел но отвернулся

и оглашенными
кто и сам стоит вполоборота.

*

скала — низкой поросли,
испарения, ещё ниже, колодцу.
сухое русло вчерашнему леднику.

если кто жив, то вниз по пути
ему придётся строить и собирать подвижный дом;
где впадает вода, оставайся,
если точно собрался жить.

всего нажито:
пустое дыхание,
зачерпнул и наполнил, не просто ли.

шёл и нёс отложенный сон:
сложи и ляг.
не даром даётся поперх глаз толщина,
чем труднее зрение тем богаче веки.

к крутым мозолям прилагают пологий
прибрежный пульс,
ноги свяжут свободные путы, обязан, сон.

Что слышно

*

всё лопается.

будто того и ждали
у сходов в болото
с рукой на щеке жалели ухо
у плотную в себе рвущейся древесины, одни,
но а нужна разве нам раковина для шума если в устьях
и так уже гнутся крылья у бересклета?

шевельнись — и затянется воздух;
а сожмётся плотнее чтобы не беспокоить —
и сдует, смотри, последний звук.

*

главное не ошибиться в выборе горечи.

брать прогорклое
из сырой земли
безымянное
под язык где верхняя связь
целиком входит в тело,

и оно то висит — плод в пресной воде —
то роняет себя с каждой сказанной вещью
под сухое лицо.

*

ангел не плачет даже когда поёт или слышит —
и представь себе мысль его.
ты, знаешь, алых цветов насмотреться до слёз можешь—
но не ангел. и ты потому
не повернись лицом к нему,
пусть идёт как идёт он.

на волосок от тебя начинается срез,
и нет его тоньше.
ты чувствуешь две больных половины
и стонешь. а срез не может стонать.
ты можешь спросить — и ты спрошен.

на волосок тебе страшно.
и пота сошло два стакана.
и крови стакан.
те же срастишь за собой половины, когда
не успел сказать лишнего: а здесь это так.

*

чтобы выйти в ночь
надо проспать все оттенки сумерек,

среди ночи не глядя на стрелки
свериться только с их стуком

и из своих же волос на затылке
закрутить воронку.

как другую сторону ночи
волосам не увидеть своих корней.

*

в голосовой связке с внутренним узлом
внешнее растяжение.

молча выслушали рассказы
как голос чистят
вынимают и точат
куют тянут,

а сделали наоборот:

раскатали всё внешнее на тяжёлое расстояние
чего не расслышали
само стянулось в общую силу.

голос не вяжется.

*

далеко до рассвета,
не тишина а глухота
(не глухота а немота)
приливы;
дыхание.

ночь на время
переделана в тюрьму,
за тебя кто-то пишет амнистию,

не отсидеть всю память,

ты,

прерывистый сон.

*

красная людская речь,
и они построили неподъёмный мост
когда хотело подняться
дно с осадком и грязью.

пока неслышно крушатся
и укрепления, и сам берег,
меня скрутило и тянет поделиться.

а с той же скоростью
для другого молча растёт коралл.

*

как сожмёт тебя мир
откроется новое горло
будто птица свернулась в гнезде
или личинка
но распрямляется вдруг.

вдох из вчерашней погоды, выдох — в спутанных ветках,
голос — завтра,
когда от него оторвавшись
от нёба язык
ты забудешь себя.

*

Григорию Дашевскому

ночью с грохотом мимо окна
снег летит с высоты.
может, на крыше со снегом играет в тени человек.

по стеклу в темноте расходятся дуги.
ты следишь, серый свет,
и грохоту вторя
говоришь человеку, неясный твой рот.
другу расскажешь,
тихий после падения,
снег остался ничей.

*

Светлане Захаровой

не сложить и двух слов —
думай дважды,

придумай, как женщина
задирает подол,
как из тени
видны полосы облаков, а в нитях
сотканых взглядов
стоит пустота,

и идут в стороны свет и море,
если им приказать расступиться,
открыться, как влажным губам,
и ни слова, ни звука.

думай, как хочется кинуть
в воду камень для всплеска.
птицы думают меньше.

*

ухом к водопроводу,
ты следишь, как в стенах ссыхается ночь.
в сырых трубах ложится
ещё один слой,
это смытые с вечера разговоры,
здесь, у бессонницы в доме, в ушах стоят стены.
полная чаша,
это гостеприимное время
кормит так, что не встать.

*

поди разбери шёпот собственного скелета
тихую музыку слёз.

ты может быть говоришь с ущельем
под дверью?
с тайной
в немывтом углу.

только в ушах есть стены
и льётся свет
за перегородкой.

*

стекло не птица,
и уговорить бутылку
подать голос из горлышка
вряд ли получится.

из себя можно выпустить кровь,
стакан за стаканом,
но нельзя догадаться,
как под кожу без цвета влило целое красное море.

из темноты за глазами
пожалей — будто вещь — простую грубую силу.

*

в целые петли вдень пальцы
если завален проём если в окне нет новой
нет старой луны.

за плотно сдвинутыми скобами
щель
что либо читают под лампой;
либо разлили полный стакан;
не успел и попить а уже и услали
за камнями за плечи.

боль в глазах от того как привык к темноте
что чужой против света
на твою тень набросив свою за спиной весит больше чем дом.

если петли сцепились как цепь,
ты сдвинешь на половину звука
и лист и стекло.
на половину звука, это целая ночь.

*

как найдёшь в лесу спящего,
отними ему руки от век,
откати с колен камни.
думай ему
то, что есть.
положи на себя его груз,
отнесёшь к морю.

спящий носит на выдохе
тёмный покой.
он возьмёт с тебя слово
оглушёнными ночью ушами
и вернёт, рак в ракушку,
пространство в твой жадно
вдыхающий рот.

пусть память,
когда откатилась,
возвращает приливы листве,
под деревьями слышен
и маленький шум.

Часть полноты

*

озеро моет пеной прозрачную воду с высот
и на равнине перед закатом тесно как горы растут
пустырные тени

дальше мы спим
солнце ходит лунатик

*

für s. v.

1.

будто целый день солнце не горело а тлело
 не выше рассвета пока ночью не скрыло.
 цветной почтой пришла
 не телеграмма о смерти а оттуда излитые слёзы
 что не успел в тебе лечь дитя
 на простую простынку и не жди.

2.

столетний дуб легче обнять
 чем тысячу тысячелистников.
 острее осоки
 края здесь открывшихся глаз.

кто ходит ночью в кусты шиповника,
 без одежды и пьян? безнадежен и наг.
 белой кожей внутри темноты
 открывается рана.

*

n. c.

1.

морская звезда от рождения распята.
 ты потому на неё пятками встала
 чтобы руки раскинуть
 и в глубоких глазницах глазам
 от рождения темно,
 и задумчивый рот сжат в ответ глубине.

2.

напоминание
 о внутреннем городе —

запах залитых нечистой водой
 подземных ходов
 ржавчины
 крючьев

были когда-то нужны,

теперь —
 как цветная роспись по телу —
 только чтобы не забывать

о внешнем городе.

*

некто рассматривает
полёты рваных краёв
над открытым проёмом.

ты, не имущий одежд,
повязываешь
бесполезными лентами пустоту.

никто!
большая радость
когда
ничего не близится.

как мой брат,
никому не угодно
управлять ходьбой.

*

родился на склоне а умрёшь под откосом
и не убежишь от того что видишь что видишь,

куда спрячешься
когда всё такое круглое,

лучше считай что всё уже получилось
что всё неполное часть полноты

*

у себя же голого
украл за пазухой
неразменный грош.

вкладывал его
в красную руку,

и нарезала монета в ней линии,

и возвращалась,
каждый раз десять раз
опечатала пальцы.

*

в последней мелочи
обчёлся:

на месте резьбы
оказалась лепнина, а значит:

те были
не точильщики,

а как вино у них текло сквозь пальцы,
и липло как глина.

*

в мёртвой точке живому
остаётся задуматься:
где кончается рябь,
если поверхность — повсюду вся?

так и останусь стоять,
пока не сдвинусь.

так и не сдвинусь,
пока и меня не взволнует
чья-то дрожь.

*

Леониду Швабу

не глуха полнота если край
надо мной как на дороге камнем платье поднять.

я растягиваю кусок мокрого полотна
рву поворотную нить.

так же и кожа ткань.
полнота зарастает сорным исподним
чёрным в ирисе чёрным зрачком в анемоне.

*

здесь по своим следам пройдёшь, там — чьим-то близким,

как не узнать
немногих
тех
кому бы и кровью из раны отмыть рот и ноги.

в нечистом истоке
живьём водится
будто будущее

по руслу и устью
оставленные следы,

имя,

и здесь пройдем,
мера по мере.

*

Владимиру Богомякову

год за годом
скручивается небо
новыми видами облаков
в самый глубокий колодец воронкой;

в ней и чёрная тяжесть
и светлая влага

невыносимо такое сплетение

только сдвиг и наклон
водят мимо отчаяния.

*

в голых ветках
нагое деление дня,
в тонких ветках другое.

между ними черта
и черты
и слепое межглазье.

*

п. ф.

горный кристалл
вызревает
как ягода земляники
но зёрнами внутрь.

если достался тебе —
вскрытый —
из земли его вынь
будто на вес золота трюфель.

всё отдай влюблённым в еду
и в украшение
а пустота без цены из него —
для тебя целое яблоко нераскрытый гранат.

*

это когда стараешься
только вполсилы
выходит вода из камня,
ты — портной,
вода — слеза,
камень — сыр.

а пробегі по заброшенному
мосту над ржавой
железной дорогой;

по обугленной балке
на детской площадке
под треугольными скатами в теремке.

тогда и беслесный пространства клочок
будет жгучий
и молния с неба.

*

незаметно живут внутри стекла пророки.
если кто думал
что спрятал цифры и стрелки
как невесту без смерти в хрусталь,

тем вернее в прозрачных трещинах
бьётся воздух.

*

царь своей головы
созерцает простор,
ход планеты
из стороны времени в сторону времени
по горячим следам расширяется и догорает закат.

голова опускается вслед,
и из этого неба
к нему
сходит седьмое небо.

*

сердце — убывающий маятник,
вода — тоже, но прибывает.

можно
приспособиться к дыханию, верху и низу,
но как — к постоянной дуге глазных яблок,
как — если кривизна не сходит с глаз?

день и ночь — маятник,
изогнутый в сторону теперь уже тёмного прилива.

*

проповедь на пустыре к чему-то засохшему.
исповедь лицом вплотную к стене.
ты обращаешься ко мне?

— камень,
остывший жар,
когда вынесло из-под земли
на солнечную сторону.

*

запер дверь изнутри
ключ проглотил
и держишь в скважине палец

будто скрылся или можно уметь проникать
как время — оно идёт во все стороны и без меры —
не замечая дверей.

никак.
только в каждый момент и в тебя тоже
пробирается время.

*

1.

хотелось бы уже теперь прославиться
изобретением несгораемого угля,
несметной золы,
огнераздела на все стороны и напротив,
одомашнить погоду или с ней одичать,
лишь бы вместе.

уже сейчас,
разменявшись на ветер,
заплатить за тление,
если мало грозного воздуха дали взаймы
лесному, степному
живущему.

2.

где-то в самом равнинном озере
скапливается перемена участи земле
или она утяжеляется
и удаляется внутрь

или бродит в ней под корой бывшее дерево
как у безумного память?

пыль выветривается.
после мир окажется плоским,
мы смешно ошибались.

что делать? молить
о расширении взгляда
на время земли.

3.

долиной может быть и подземное море,
если ровные существа его населяют,
если плоть стала местом.

*

туман сулит безнадежность
но приносит ясность и продолжение.
ты рассеиваешься.
ты рассеян.

внезапно разглаживается на время лоб,
в просвет между цветом руки и цветом лица
входит потеря, и память сжимается.

не прошу завершения, но крайний счёт
всё же — внимание — предъявлю
за печаль и веселье.

*

в мире где такие часы что вода до земли идёт сутки
жидкости не сворачиваются
а прямые ведут только внутрь,

целый воздух всегда
от одного приходит к другому
по дыхательной паутине
без различия между дальним и близким.

*

мы уже вышли один раз из могилы
когда в первый раз улыбнулись.

быть младенцем значит
быть страхом и трепетом.

встань с постели,
верни память о страхе и трепете:
это задаток безразличия к смеху,
он вернётся когда кончится жизнь.

*

волны стучат о сердце,
это приступы тумана,
стыд за необъявленные задержки,
между приливами,
много, огрехи.

чтобы занять себя,
можно вытравливать пятна
в чистом воздухе
чистым бездействием.

*

мерцательный нерв
как заноза
неминуемо помнит о жизни —

так минуемо
у змеи двоится язык —

потому, может быть, и утверждается ум
чтобы умом тоже
не понимать минуемой боли.

*

дом
едва открывается
в ум.

в нём стены расписаны,
и роспись почти выходит за двери.

если от мысли
приоткрывается
рот,

сдвигаются стены.

*

1.

если гусеница проглотит
блуждающий камень
и замкнётся началом к концу,

камень будет ходить в ней
пока не настанет ей время переродиться,

и тогда он положит начало
их календарю.

2.

белая гусеница
ест себя насухо
а икра не может лососа изнутри заполнить всего.

всё в своих нитях
время вырастает в свой поворот
это повод тебе измениться.

По направлению к телу закона

в листьях прожилки в человеке сосуды
в сосуде то что хранится.
в удушливой глубине живёт некто
оставленный светом.
только из собственных глаз у него свет...

(Анна Глазова, «Мёртвые»)

Книга Анна Глазовой «Для землеройки» фиксирует чрезвычайно важный переход в истории поэтического языка, мощнейшую интериоризацию, ведущую к оптическим открытиям современной поэзии. Джон Кейдж говорит: «Как бы мы ни старались, нам не удастся создать абсолютную тишину. В инженерии для определенных целей необходимо достичь предельно возможной тишины. Такое помещение называется звукоизолированной камерой, комнатой без эха, шесть стен которой сделаны из особого материала. Несколько лет назад я вошел в такую комнату в Гарвардском университете и услышал два звука — высокий и низкий. Когда я описал их дежурному инженеру, тот сообщил мне, что высокий возник в результате функционирования моей нервной системы, а низкий — циркуляции крови»¹. — Именно этот интервал, заданный Кейджем, определяет состав поэтического слова Анны Глазовой. Смысловым становится то, что до этого казалось сугубо телесным, противоположным значащему. Неразличение внешнего и внутреннего в поэзии шло через их временное скрещение, в возникавшем образовании,

¹ Кейдж Дж. Тишина. Вологда, 2012. С. 19.

морфологически близком к структуре тела, нельзя было не только понять, что есть внешнее, а что есть внутреннее, но и провести уверенно между внешним и внутренним хоть какую-нибудь границу.

Мысль Глазовой о том, что «люди могут обращаться к зверю, растению или даже неживым вещам не задумываясь, как если бы это было нечто само собой разумеющееся», указывает на то, что привычная коммуникативная и семиотическая сетка, тянущаяся из теории второй половины XX века, становится тесной для поэзии сегодняшнего дня, что нужна какая-то иная возможность как выделять и мыслить малое, так и мыслить дальнейшее конфигурирование малых. Глазова разворачивает поэтическое пространство так, что конstellации «местностей» и «сред», к которым применимы различные размерности, соединяются интенсивностью переживания — и в стихотворении между ними образуются смысловые мосты. Здесь почти математическое рождение того, что может быть помыслено, но это пространство не теряет из вида человека, присутствующего во всех этих размерностях одновременно:

в мире где такие часы что вода до земли идёт сутки
жидкости не сворачиваются
а прямые ведут только внутрь,

целый воздух всегда
от одного приходит к другому
по дыхательной паутине
без различия между дальним и близким.

Возникает драматургия самоорганизации «миров», невидимых глазом из-за того, что они находятся или слишком далеко, или — что чаще — слишком близко к человеку, чтобы он мог их заметить. В поэзии Анны Глазовой действует различительность невероятной силы — в стихотворении дается описание самособирания мира на элементарных уровнях, или на уровне «химической души»: «Так вот где вашей химии источник. В некоей химической душе. В этой душе

есть инстинктивно чуждый образ того, что надо сделать из стихий. Она их забирает и строит свое»².

Попытка закрепить зрение там, где его невозможно удерживать, чтобы, остановившись, различить послание мира, связана с тотальной рефлексивной обращенностью на себя: следует преодолеть уровень транспонированного мира вещей и попасть в мир ума, где ум освобождается от всего, кроме пространственности. В поэтических текстах Глазовой мы можем видеть стремление помыслить только пространственность ума, лишённого «технического» содержания:

дом
едва открывается
в ум.

в нём стены расписаны,
и роспись почти выходит за двери.

если от мысли
приоткрывается
рот,

сдвигаются стены.

В поэзии Анны Глазовой обратная сторона События — Закон, или иначе: Закон — это Событие, но в свернутом виде, его основным параметром является интенсивность. Закон — некая действующая структура, конкретное выражение которой становится ситуацией, задающей поле, близкое по своей природе полю ритуала. Ритуальное проверчивание факта переживания от События к Закону — ключевой момент стихотворения. Через такое оборачивание нечто в мире только и может быть:

² *Феофан Затворник*. Наставления в духовной жизни. М.: Отчий Дом, 1997. С. 107.

украл вину у виновного, провинился,
чтобы на краденом месте вырос,
на пустом месте, вырос закон.

украл что-то,
бесхозное,
и назвал: «вина»
или соврал, что украл;
тем и виноват, что невинен.

сделал, чтобы зачлось его имя,
чтобы из имени выросло дерево и из дерева дом —
чтобы для кражи был дом.

Такого рода «субатомная», или «элементарная», драматургия Анны Глазовой задает иную структуру времени в ее поэтических текстах: «всё всегда уже было». Теперь «большое мгновение» Якова Друскина разверзается в местность, в перекрещивание пространств. Возможно, что время — это стык мыслимых пространств, и они взаимно переходят друг в друга, выворачиваются: понять, что является лицевой стороной, а что — изнанкой, никак нельзя, потому что снято различие внешнего и внутреннего:

запер дверь изнутри
ключ проглотил
и держишь в скважине палец

будто скрылся или можно уметь проникать
как время — оно идёт во все стороны и без меры —
не замечая дверей.

никак.
только в каждый момент и в тебя тоже
пробирается время.

Через так развертывающийся в мире закон возникает возможность выйти за «границы разговора». Тогда, при попа-

дании в закон, возможно слышать и говорить с «мёртвыми», потому что все, что с ними связано, теперь существует одновременно, и ты можешь не длить, но входить в поле, где слышно, где распространяется психически точный звук, отражающий эту взаимосвязь. Это сверхплотное пространство, как когда «свет упирается в тело и не проходит». «Только принцип формы сохранит неизменной нашу связь с прошлым»³. В поэзии Глазовой круговорот умирания задан как преобразовывающий. Человеческое — обратимо удерживать мыслью этот континуум: себя в нем, а его — в себе:

когда между рёбер
откроются поры
будь уверен что дышишь
их кожей из-под кожи теплом.

а замкнутся, ты снова один,
но у тех теперь легче дыхание.

Мир держащейся памяти предельно детализирован: это мир землеройки, крота, жабы, пчелы, кородея; мир бересклета, земляники, жимолости, горечавки, лишайника; мир камня; мир пения. Знаки, «метки» мира, где всё не «в общем», а разнится, множится в этом калейдоскопе структур. Мир не сводится к идее мира. Острота переживания — живая острота листа, и она же — память, она же красная — мак.

Цикл «Мёртвые» — центральный, потому что в нем слышится то, что Айги называл «духовным родством». Сама возможность диалога поэтов рождает тот жар, благодаря которому и возможна речь, идущая от человека ко всему миру. Книга Анны Глазовой — безусловный и интенсивный разговор с Паулем Целаном, с другими, прежде всего, европейскими поэтами модерна и продолжающими линию модернизма. И поэтический текст и есть та «местность», где устанавливается и держится связь человека и всего живого. Такое понимание задает еще одно измерение перевода:

³ Кейдж Дж. Тишина. Вологда, 2012. С. 16.

Aus Herzen und Hirnen
 sprießen die Halme der Nacht,
 und ein Wort, von Sensen gesprochen,
 neigt sie ins Leben...⁴

Книга Анны Глазовой состоит из семи частей — циклов: «Почти в обратную сторону», «Законы», «Мёртвые», «Для землеройки», «Север», «Что слышно», «Часть полноты». Они представляют собой определенный путь умирания и рождения, прохождения пространства преобразующей смерти. Путем землеройки идет любой:

всё в своих нитях
 время вращает в свой поворот
 это повод тебе измениться

В книге Анны Глазовой «Для землеройки» оптические миры, открывающиеся один за другим на разных уровнях организации живого, актуализируют смысловые формы как формы, научающие бесконечным перцептивным различениям, задавая тем самым особое измерение поэтической антропологии, чрезвычайно важное для современной русской поэзии.

Евгения Суслова

⁴ «Из сердец и мозгов / прорастают былинки ночи, / и слово, серпом изреченное, / склоняет их к жизни». — Пер. Вячеслава Куприянова.

Содержание

От автора.
 О границах разговора 5

ПОЧТИ В ОБРАТНУЮ СТОРОНУ

знал бы, кого затянуло..... 9
в лакуне..... 10
тёмный и влажный оттиск... .. 11
полной жизни 12
сплелось из остатков струн — что-то..... 13

ЗАКОНЫ

1. *украл вину у виновного, провинился*... .. 17
 2. *из звука извлечь*... .. 17
 3. *обручились смертной кожей*... .. 18
 4. *если не взять законом*... .. 18
 5. *ручьи бы сами стекли на мель*... .. 19
 6. *... уж лучше суди меня*... .. 19
 7. *когда под луной зацветает подлунок*... .. 20
 8. *молитва* 20

МЁРТВЫЕ

всё всегда уже было... .. 23
перед рассветом свет упирается в тело и не проходит... .. 24

<i>надела свадебные серьги...</i>	25
<i>есть слишком глубокой лазурью залитые щели...</i>	26
<i>уткнулась ветвь, жимолость...</i>	27
<i>как тяжёлое пение из-под земли...</i>	28
<i>где была пустота после близкого...</i>	29
<i>над предустановленной чашей...</i>	30
<i>смертельное исчезновение...</i>	31
<i>мыкайся горе в моей голове...</i>	32
<i>отстрадал от души горечавку...</i>	33
<i>кто бы не хотел склеиться...</i>	34
<i>когда между рёбер...</i>	35
<i>здесь по своим следам пройдёшь, там —</i>	
<i>чьим-то близким...</i>	36
<i>ты считаешь камни...</i>	37

ДЛЯ ЗЕМЛЕРОЙКИ

<i>в голове пчелы...</i>	41
<i>молния не уходит...</i>	42
<i>зверю своя кожа не шкура на теле...</i>	43
<i>утверди руку...</i>	44
<i>за три шага...</i>	45
<i>из перегоня рождается кислый дыхательный воздух...</i>	46
<i>дым в облака — и облака в дым...</i>	47
<i>всё что можно измерить шагами...</i>	48
<i>стол развёрнут и кистью выметен чисто...</i>	49
<i>минута длится...</i>	50
<i>мучнистое зерно...</i>	51
<i>сухим глазам да бездна глубже...</i>	52
<i>высшее солнце не двинется никогда...</i>	53
<i>сели мы с моими...</i>	54
<i>могильница и пустельга...</i>	55
<i>лучше не жми руку потому что горсть...</i>	56

<i>волк-колдун...</i>	57
<i>землеройка-стервятник...</i>	58

СЕВЕР

<i>раздвоено зрение...</i>	61
<i>куда бы ты ни добрался...</i>	62
<i>известно, что путь откатывает...</i>	63
<i>в толокно просыпались птицы...</i>	64
<i>красили лён...</i>	65
<i>мимо услышанного понятный жест...</i>	66
<i>когда всё наоборот...</i>	67
<i>проснулся со сквозняком в комнате</i>	
<i>с привкусом гари во рту...</i>	68
<i>морошка это подснежники летом когда зима...</i>	69
<i>ночная перегородка между тобой и тёмным умом...</i>	70
<i>набрался мужества и уснул...</i>	71
<i>по реке полыньи, полыньи...</i>	72
<i>в снегу вырыта целая палата...</i>	73
<i>выстлано белым за глазом...</i>	74
<i>не поздновато ли вам, красные листья на клёне...</i>	75
<i>чудеса: горестное лыко...</i>	76
<i>листья как у взрослого руки...</i>	77
<i>в нашем доме свет далеко не ходит...</i>	78
<i>смотровой луны...</i>	79
<i>скала — низкой поросли...</i>	80

ЧТО СЛЫШНО

<i>всё лопается...</i>	83
<i>главное не ошибиться в выборе горечи...</i>	84
<i>ангел не плачет даже когда поёт или слышит...</i>	85

<i>чтобы выйти в ночь...</i>	86
<i>в голосовой связке с внутренним узлом...</i>	87
<i>далеко до рассвета...</i>	88
<i>красная людская речь...</i>	89
<i>как сожмёт тебя мир...</i>	90
<i>ночью с грохотом мимо окна...</i>	91
<i>не сложить и двух слов...</i>	92
<i>ухом к водопроводу...</i>	93
<i>поди разбери шёпот собственного скелета...</i>	94
<i>стекло не птица...</i>	95
<i>в целые петли вдень пальцы...</i>	96
<i>как найдёшь в лесу спящего...</i>	97

ЧАСТЬ ПОЛНОТЫ

<i>озеро моет пеной прозрачную воду с высот...</i>	101
<i>будто целый день солнце не горело а тлело...</i>	102
<i>морская звезда от рождения распята...</i>	103
<i>некто рассматривает...</i>	104
<i>родился на склоне а умрёшь под откосом...</i>	105
<i>у себя же голого...</i>	106
<i>в последней мелочи...</i>	107
<i>в мёртвой точке живому...</i>	108
<i>не глуха полнота если край...</i>	109
<i>здесь по своим следам пройдёшь, там —</i>	
<i>чьим-то близким...</i>	110
<i>год за годом скручивается небо...</i>	111
<i>в голых ветках...</i>	112
<i>горный кристалл вызревает...</i>	113
<i>это когда стараешься...</i>	114
<i>незаметно живут внутри стекла пророки...</i>	115
<i>царь своей головы...</i>	116
<i>сердце — убывающий маятник...</i>	117

<i>проповедь на пустыре к чему-то засохшему...</i>	118
<i>запер дверь изнутри...</i>	119
<i>хотелось бы уже теперь прославиться...</i>	120
<i>туман сулит безнадежность...</i>	122
<i>в мире где такие часы что вода до земли идёт сутки...</i>	123
<i>мы уже вышли один раз из могилы...</i>	124
<i>волны стучат о сердце...</i>	125
<i>мерцательный нерв...</i>	126
<i>дом едва открывается...</i>	127
<i>если гусеница проглотит...</i>	128

Евгения Сулова.

<i>По направлению к телу закона</i>	129
-------------------------------------	-----